

М. Мишин. «Счастливый». Исполняет Д. Хухлаев. 6:48

Иногда — очень редко — речь актёра немного отличается от текста в учебнике и в книге. Эти случаи отмечены так: [в книге: ...].

Рассказ Михайла Мишина «Счастливый» опубликован в книге «Мих. Мишин», выпущенной издательством Эксмо в 2003 году в серии «Антология сатиры и юмора России XX века», том 27. Воспроизводится с разрешения автора (без изменений). Текст © 2003 Михайл Мишин. Все права защищены. Исполняет Дмитрий Хухлаев. Постановка сделана для данной публикации. Съёмка и монтаж Славы Паперно. Запись © 2005 Дмитрий Хухлаев. Все права защищены.

1

— Да плюнь ты! — говорю я ему. — Плюнь!
Я беру бутылку и разливаю.
— Давай! — Я киваю ему, и мы выпиваем не чокаясь.
Мы сидим в кафе и пьём «Гурджаани».

2

Сколько времени прошло с нашей последней встречи, не помню. Может, год, а может, два. Это не имеет значения. Потому что и прошлый раз, и позапрошлый мы так же сидели здесь, в этом кафе, и раньше, когда тут ещё не было кафе, а была обыкновенная столовая. Мы сидели друг против друга, и я разливал водку, или портвейн, или не помню уж что, и так же говорил ему:
— Да плюнь, старик, плюнь!

3

...Лет десять назад. Мы сидим в столовой. Вокруг едят, разговаривают, разливают под столиками.

Он держит в руках книгу.

— Понимаешь, — застенчиво говорит он, — она сказала, что не знает про импрессионистов стыдно. Вот, я купил...

Я беру у него книгу, листаю.

— Старик, она права, — говорю я. — Импрессионистов, старик, надо знать...

С моей стороны это чистой воды лицемерие. Всё, что я знаю сам про импрессионистов, — это что там были два художника, с одинаковыми фамилиями, только один через «а», а другой — через «о». Кроме того, Ван-Гог отрезал себе ухо — про это я тоже слышал...

— Ну вот, — обрадованно говорит он. — И она так сказала...

И теперь, ясно, он возьмётся за живопись. Он будет читать книги, ходить в музеи и посещать лекции. Через месяц он уже сможет писать диссертацию об импрессионизме, а заодно и о кубизме, о передвижниках и наскальных рисунках.

Над ним всё издевались ещё в институте. Всё, кроме неё. А она на него вообще не реагировала. Никак. Сначала я тоже над ним подсмеивался. А потом он стал со мной всем этим делиться. И я стал советовать ему плюнуть.

4

Проходит несколько лет. Мы уже закончили институт, распределились. И снова мы с ним сидим за тем же столиком. На небелоснежной скатерти стоит полупустая бутылка. Я разливаю и говорю:

— Старик, это уже просто смешно. Сколько можно? Плюнь! Пора!
— Я ей письмо послал, — говорит он.
— Ну? — спрашиваю я.
— Не ответила, — говорит он и пожимает плечами.
— Может, не получила? — говорю я умную вещь.
— Получила, — серьёзно говорит он.
— Слушай, старик, — энергично говорю я. — Пора с этим кончать. Что такое, чёрт подери? Езжай на юг! Море, солнце! Кипарисы, абрикосы!
Я наливаю, мы пьём. Я чувствую себя стреляным воробьём. И действительно, рядом с ним...
— Я всё понимаю, — говорит он. — Идиотство, конечно...
— Вот-вот! — подхватываю я. — Идиотство! В наше время... Чтòб свет клином... Чтòб стòлько лёт... Вот я, например...
— Ты — другое дело, — говорит он.
Он прав. Я — другое дело. Говорят, у меня в глазах есть что-то такое... [*not recorded*: Чтò-то такое в глазах], и ещё волосы с проседью. В общем, я-то могу позволить себе плюнуть...

5

Ещё год или два. Место действия — то же. Стучат ложки, звенят рюмки, шаркают между столиками официантки. За пыльными окнами — улица. Он смотрит в окно и говорит:

— Она замуж выходит.
«Слава богу», — думаю я.
— Он какой-то военный. Вроде, моряк...
«За тех, кто в море», — хочется мне сказать, но я говорю:
— Старик, поверь, это к лучшему. Ты наконец посмотришь вокруг и увидишь, как прекрасен этот мир, понял? Смотри, какие девочки пошли! Понял? Всё, старик! Встряхнись!
— Да, — откликается он. — Наверное, так лучше.
— Давай, — говорю я, и мы пьём.
— А как Лилия? — спрашивает вдруг он.
Я не сразу вспоминаю, что прошлый раз, когда мы встретились, со мной была девушка Лилия из консерватории. Это был период, когда выяснилось, что Шуман и Шуберт [*в книге*: Шуман, Шуберт и Шопен] были совершенно разными людьми...
— Нормально, — говорю я. — Давно не видел.
Мы допиваем остатки вина, выходим на улицу.
— Пока, — говорит он.
— Звони, — отвечаю я.
И мы расходимся.

6

Время идёт, седины у меня прибавляются. Следовательно, чего-то такого во мне всё больше...

Мама, правда, волнуется, говорит, что в моём возрасте уже пора иметь нормальную семью. Я хороший сын. Я попробовал иметь семью, она оказалась нормальной — просуществовала четыре месяца.

Про него я узнаю через общих знакомых. Он вроде тоже женился. Потом вроде тоже развёлся. Потом вроде куда-то уезжал. Потом вроде вернулся.

7

Вернулся он не вроде, а точно, потому что мы стáлкиваемся с ним у входа в эту самую столовую, только теперь она уже не столовая, а кафе.

— Ну вот, — говорит. — Вот такие дела.

А дела такие, что уезжал он куда-то на Север. А уезжал он потому, что её мужа перевели на Север, и, ясно, его тоже потянуло к полюсу.

— Вы виделись? — спрашиваю я.

Он не отвечает. Подходит официантка, я заказываю бутылку «Гурджаани».

— А я женат был, — говорит он. — Не слышал?

— Слышал, — говорю я.

— Вот такие делишки, — говорит он и замолкает.

Официантка приносит бутылку, ставит на столик.

— Ну, давай, — говорю я.

— А знаешь, — говорит он вдруг. — У неё девочка. Большая уже.

И он смотрит на улицу.

8

Я беру бутылку, наполняю бокалы и снова, снова хочу сказать ему привычное «Плюнь!» Но в этот момент он поворачивается, и мы встречаемся взглядами.

И в его глазах я вижу что-то такое, что трудно объяснить, а можно только почувствовать. И я это чувствую. И ещё я чувствую против него раздражение, злость и обиду и не могу себе признаться — отчего. [*not recorded*: Не могу], потому что в зависти — не признаются.

И поэтому я ничего не говорю ему, а пью молча.